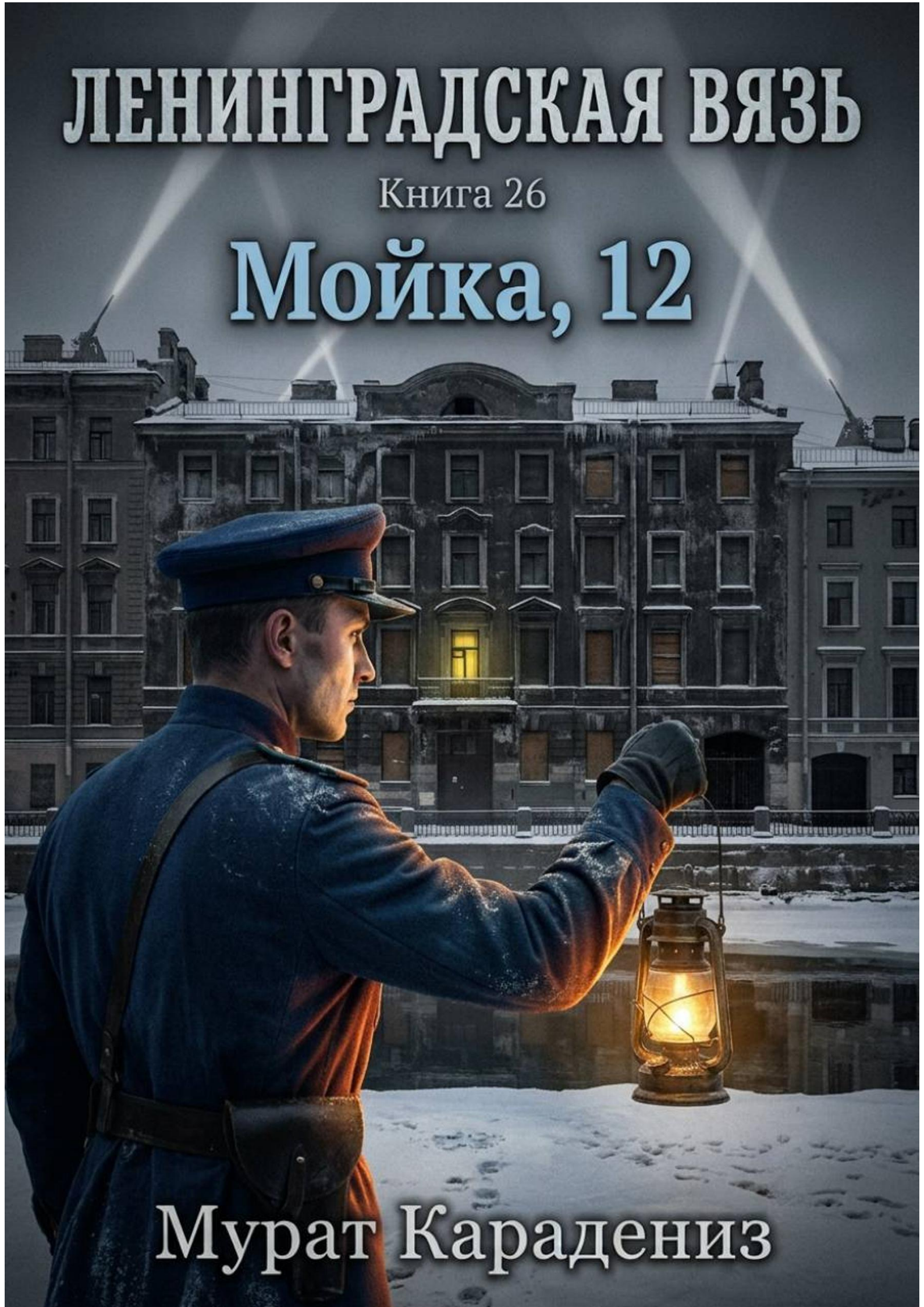

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 26

Мойка, 12

Мурат Карадениз

Ленинградская вязь

Мурат Карадениз

Мойка, 12

«Автор»

2026

Карадениз М.

Мойка, 12 / М. Карадениз — «Автор», 2026 — (Ленинградская
вязь)

Июнь 1943 года. Блокадный Ленинград хранит не только ужасы войны, но и вековые тайны. В стенах легендарного дома на Мойке, 12, где оборвалась жизнь великого поэта, найден замурованный тайник. Загадочная шкатулка чёрного дерева, старинный дневник и роковые письма скрывают опасную правду о событиях 1837 года. Какая невидимая нить связывает дуэль на Чёрной речке, тайны минувших эпох и загадочные происшествия в осаждённом городе? Капитан НКВД Алексей Ухтомский и архивист Софья Горская начинают расследование, в котором каждый шаг приближает их к безжалостному противнику. Враг готов на всё, лишь бы правда никогда не выплыла наружу. Атмосферный детективный триллер о цене истины, где прошлое и настоящее сплетаются в смертельный узел, а сам Ленинград становится молчаливым свидетелем великих секретов. Исторический триллер с детективной линией в наши дни. Каждая книга — отдельное расследование. Можно начинать с любой.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Пепел и свет»	6
ЧАСТЬ I. «ТЕНЬ НА МОЙКЕ»	10
ГЛАВА 1. «Шкатулка на столе»	10
ГЛАВА 2. «Дело № 53-Ф»	14
ГЛАВА 3. «Чёрная перчатка»	18
ГЛАВА 4. «Хирург»	21
ГЛАВА 5. «След	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мойка, 12

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Пепел и свет»

Время: 16 июня 1943 года, 04:00

Место: Ленинград, Мойка, 12, подвал

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Запах гари Алексей Ухтомский учуял ещё на лестнице. Он поднимался по скрипучим ступеням, держа в правой руке керосиновый фонарь, и думал о том, что в Ленинграде сейчас пахнет всем, чем только можно — порохом, сыростью, смертью, хлебом, которого нет, дымом от буржеек, прелой одеждой. Но этот запах был другим. Сладковатым, тягучим, он просачивался сквозь щели в полу, смешивался с холодным воздухом подъезда и оседал на стенах липким налётом. Угарный газ. Алексей знал этот запах — он возвращался в его памяти из осени сорок первого, когда по городу прокатилась волна самоубийств. Люди закрывали печные заслонки, ложились на кровати и засыпали навсегда. Тогда он не мог их спасти. Сейчас он не знал, успеет ли спасти того, кто ещё был жив.

Он остановился перед дверью в подвал. Дверь была приоткрыта — чёрная щель, из которой тянуло теплом и гарью. Алексей постучал костяшками пальцев по косяку. Никто не ответил. Он толкнул дверь ногой, и она распахнулась, ударившись о сырую стену.

Подвал встретил его печным жаром. В углу стояла чугунная печь-буржуйка, дверца которой была распахнута настежь. Внутри ещё тлели дрова — угли светились алым, иногда вспыхивали крошечными язычками пламени, и тогда по стенам пробегали жёлтые тени. Алексей сразу понял, что печь топили намеренно — слишком много дров, слишком жарко, слишком душно. Кто-то хотел, чтобы воздух в подвале стал смертельным.

Он перевёл взгляд на стул.

Там сидел Иван Фёдорович Ковалёв.

Почтальон при Эрмитаже, мужчина лет сорока семи, которого Алексей знал в лицо. Они встречались несколько раз — Ковалёв приносил письма в Смольный, всегда торопился, всегда был бледен, как и все в городе, и всегда улыбался. Сейчас он не улыбался. Он сидел на старом деревянном стуле, откинувшись на спинку, и смотрел в потолок. Глаза его были открыты. Зрачки расширены, почти слились с радужкой. Рот приоткрыт — в уголках губ запеклась слюна. На коленях лежала раскрытая книга.

Алексей приблизился медленно, обходя печь, чтобы не задеть раскалённый чугун. Он наклонился над телом и приложил два пальца к шее Ковалёва — к сонной артерии. Кожа была ещё тёплой. Пульса не было. Алексей убрал руку и выпрямился. Он смотрел на лицо мёртвого человека и чувствовал пустоту — не ту, что приходит от ужаса, а ту, что приходит от понимания: он снова опоздал. Он всегда опаздывал в этом городе.

— Прости, — сказал он тихо, обращаясь к трупу. — Я не знал, что ты в беде.

Он опустил глаза на книгу. «Евгений Онегин» 1833 года издания — старый том в потёртом переплёте, с пожелтевшими страницами. Ковалёв держал книгу так, будто читал её перед смертью — левая рука лежала на развороте, правая свисала вниз, касаясь пальцами пола. Алексей взял книгу в руки. Страницы были плотно сжаты, будто кто-то с силой зажал их перед тем, как уронить книгу на колени. Он осторожно разжал пальцы мёртвого Ковалёва — они уже начали коченеть — и открыл книгу на том месте, где лежала рука.

На странице, карандашом, дрожащим почерком было написано:

«Они убьют меня. Я спрятал её в стене. Там, где лампа».

Алексей перечитал надпись дважды. И понял. Ковалёв написал это в самый последний момент. Он уже чувствовал, как угарный газ заполняет лёгкие, как тяжелеют веки, как немеют пальцы. Он не мог бежать — дверь была заперта снаружи. Он не мог кричать — воздух обжигал горло. Он сделал единственное, что оставалось: он открыл книгу, нацарапал карандашом эти слова и закрыл страницы, сжав их пальцами так, чтобы убийца, если он вернётся, не увидел карандашных строк. Ковалёв знал: книга может выжить. Он надеялся, что кто-то другой откроет её. Кто-то, кто не убийца.

Убийца не открыл книгу. Он пришёл, запалил печь, запер дверь и ушёл, уверенный, что Ковалёв умрёт и никто никогда не узнает, что он искал. Он не знал, что Ковалёв оставил послание. Он не знал, что почтальон оказался умнее, чем выглядел.

Алексей закрыл книгу и положил её на край стола. Он знал: эта записка — единственный ключ к тому, что произошло.

Он подошёл к стене, где висела керосиновая лампа.

Она стояла на узкой деревянной полке — простая, жестяная, с закопчённым стеклом и обгоревшим фитилём. Алексей поднял её, поставил на пол, провёл рукой по стене за ней. Пальцы нащупали неровность — щель, замазанную глиной и известкой. Штукатурка выглядела светлее, чем на остальной стене. Её трогали недавно. Алексей постучал по стене костяшками. Звук был глухим. Пустота.

Он оглянулся. На полу валялся кусок арматуры — видимо, остался после ремонта. Алексей поднял его, вставил в щель и надавил. Штукатурка крошилась, осыпалась на пол мелкими белыми хлопьями. Он работал молча, методично, с каждым ударом расширяя трещину. Через минуту кусок штукатурки отвалился целиком, открыв замурованную нишу.

Внутри лежала шкатулка.

Чёрное дерево. Перламутровая инкрустация — тонкие, изящные ветви, которые переплетались на крышке, образуя сложный узор. Шкатулка была небольшой — с ладонь, не больше. Алексей взял её в руки. Она была тяжёлой — внутри что-то лежало. Он открыл крышку.

Внутри лежал дневник в кожаной обложке, перетянутой ремешком. На обложке — вытисненные золотом буквы: «Записки секунданта. Константин Данзас. 1837 год». Алексей замер. Константин Данзас. Он знал это имя. Данзас был секундантом Пушкина на дуэли — тот самый друг, который держал руку поэта, когда он умирал на снегу Чёрной речки. Алексей видел это имя в документах, в старых книгах, в архивах. Но он никогда не думал, что увидит его на вещи, которую можно потрогать руками.

Он осторожно достал дневник. Под ним лежала печатка — из чёрного агата, с выгравированным вензелем «А.С.». Алексей поднёс её к свету. Камень был холодным, почти ледяным, и в его глубине, при определённом угле, мерцали едва заметные золотистые искры. Он перевернул печатку и провёл пальцем по нижней грани, чувствуя едва уловимую шероховатость. А.С. — Александр Сергеевич? Или Сергей Львович, его отец? Или, может быть, кто-то совсем иной, чьи инициалы случайно совпали с пушкинскими? Алексей не знал. Но он чувствовал, что эта печатка — не просто украшение. Она была ключом к чему-то, что он пока не мог понять. Он положил её обратно в шкатулку, но холод агата ещё долго оставался на его пальцах, как предчувствие.

В шкатулке лежала ещё прядь волос — тёмных, почти чёрных, перевязанных тонкой шёлковой нитью. И пять писем на старой бумаге, сложенных вчетверо. Алексей не стал их читать — не здесь, не сейчас. Он закрыл шкатулку и сунул её под шинель.

Прямо под сердцем.

Он снова осмотрел подвал. На стене над нишей он заметил надпись — выцарапанную гвоздём или ножом. Она была старой, почти стёртой, но Алексей разобрал несколько слов: «Я сохранил правду. К.Д. 1837». К.Д. — Константин Данзас. Он сам оставил эту надпись, когда

прятал шкатулку здесь, в этом подвале, сто шесть лет назад. Задолго до того, как родился Ковалёв. Задолго до того, как родился сам Алексей.

Алексей перевёл взгляд на тело Ковалёва. Почтальон сидел на стуле, и его глаза всё так же смотрели в потолок, но теперь Алексей знал: Ковалёв не был случайной жертвой. Он знал о шкатулке. Он пытался сохранить её. И он отдал за это жизнь.

Алексей подошёл к нему и закрыл веки. Он сделал это медленно, с осторожностью — как если бы Ковалёв был жив и просто спал.

— Я разберусь, — сказал Алексей. — Клянусь.

Он поднял с пола книгу «Евгений Онегин» и хотел положить её на стол, но заметил, что между страниц что-то заложено. Он открыл книгу на закладке. Там лежал сложенный лист бумаги — такой же старый, как письма в шкатулке, но не такой пожелтевший. Алексей развернул его. На листе было написано тем же карандашным почерком, что и записка на странице:

«Тот, кто найдёт это — поймёт. Правда не должна умереть. К.Д. 1837».

Алексей спрятал лист в карман гимнастёрки рядом со шкатулкой.

И в этот момент он услышал шаги.

Кто-то спускался по лестнице — не торопясь, осторожно. Шаги были мягкими, почти бесшумными, но в тишине подвала Алексей слышал каждое движение. Скрип половиц. Лёгкое постукивание — может быть, о стену. Алексей замер у стола, сжимая в руке шкатулку, прижатую к груди. Он не знал, кто идёт. Друг? Враг? Сосед, услышавший шум?

Он быстро оглядел комнату. Выходов было два — основная дверь, через которую он вошёл, и чёрный ход, запертый на засов. Алексей рванул к чёрному ходу, отодвинул засов — тот заскрипел, но поддался. Он открыл дверь и шагнул в узкий проход, ведущий на задний двор.

Он оглянулся через плечо. Тень мелькнула на лестнице — чья-то фигура, чёрная в полумраке. Алексей не видел лица. Он видел только руку — левую, в чёрной перчатке, которая сжала перила лестницы.

Он нырнул в проход и захлопнул за собой дверь.

Двор был пуст. Узкий колодец между домами, заваленный обломками кирпичей и ржавым железом. Алексей прошёл через двор, перелез через забор и вышел на набережную Мойки.

Туман. Густой, молочный, он стелился над водой, скрывая противоположный берег. Утро было серым и холодным — июнь 1943 года выдался промозглым, несмотря на календарное лето. Алексей остановился у воды и оглянулся. Дом № 12 стоял тёмным и молчаливым. Окна были заколочены фанерой — одни разбиты, другие целы, но пусты. Город ещё спал. Только чайки кричали над Невой, да где-то вдалеке гудела зенитка.

Он сжал шкатулку под шинелью. Она была тёплой от его тела.

И в этот момент он увидел её.

Фигура. На противоположной стороне улицы, у поворота. Человек стоял неподвижно, глядя прямо на него. Алексей не мог разглядеть лица — туман и расстояние скрывали черты. Но он отчётливо видел руку. Правую.

В чёрной перчатке.

Человек стоял неподвижно. Не двигался. Не пытался уйти. Просто смотрел.

Алексей сжал кулаки. Он хотел броситься туда, схватить его, допросить — но что-то остановило. Инстинкт. Голос внутри, который сказал: «Не сейчас. Ты не знаешь, сколько их. Ты не знаешь, что у него в руках. Ты должен сохранить шкатулку».

Человек в чёрной перчатке качнулся — будто наклонился вперёд — и растворился в тумане.

Алексей остался стоять у воды. Шкатулка давила на грудь. «Евгений Онегин» лежала в кармане его шинели вместе с запиской «К.Д. 1837». В голове билась одна мысль: кто убил Ковалёва? Кто зажёл печь, закрыл заслонку и запер дверь подвала? Кто оставил его задыхаться в угарном газе — и кому понадобилось, чтобы почтальон из Эрмитажа перестал дышать?

Алексей повернулся и зашагал в сторону Смольного.

Туман сгустился за его спиной, закрывая дом № 12, закрывая тело Ковалёва, закрывая правду, которая лежала в шкатулке у него под шинелью.

Он не знал, что это только начало.

Что правда, которую он нёс в руках, уже убила одного человека. И что она убьёт ещё не одного, прежде чем он доберётся до ответов.

Над Невой прокричала чайка.

Алексей шёл вперёд, сжимая под шинелью чёрную шкатулку с перламутровым узором, и думал о том, что Ленинград никогда не прощает тех, кто ищет правду.

Город помнит всё.

И город ждёт.

ЧАСТЬ I. «ТЕНЬ НА МОЙКЕ»

ГЛАВА 1. «Шкатулка на столе»

Время: 16 июня 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский, Софья Горская

Кабинет Алексея Ухтомского в Смольном был похож на все остальные кабинеты в этом здании — высокий потолок, облупившаяся краска на стенах, тяжёлый письменный стол, заваленный папками. Единственное, что отличало его от других, — это окно. Оно выходило на Неву, и сквозь мутное стекло была видна серая вода, которая текла медленно, словно тоже устала от блокады.

Алексей сидел за столом и смотрел на шкатулку. Он положил её перед собой, когда вернулся из дома на Мойке, и с тех пор не прикасался к ней. Он боялся. Не того, что в ней лежит, — а того, что она значит. Шесть часов назад он нашёл тело Ковалёва. Четыре часа назад он вскрыл тайник в стене. Два часа назад он вернулся в Смольный и сел за этот стол. И всё это время он смотрел на чёрное дерево с перламутровым узором и думал о том, что правда, которую он держит в руках, уже убила человека.

Он поднял глаза на портрет Сталина на стене. Тот смотрел на него с высоты, строгий и непроницаемый. Алексей знал, что начальство не одобрит его расследование — слишком много вопросов, слишком много теней. Но он не мог остановиться. Он должен был узнать, что случилось с Ковалёвым.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Алексей.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Софья Андреевна Горская. Она была в сером пальто, на котором темнели пятна сырости, и держала в руках потёртую кожаную сумку. Лицо её было бледным, под глазами залегли тени — блокада не щадила никого, даже сотрудников Эрмитажа. Но в её взгляде читалась та же настороженность, которая была у самого Алексея.

— Ты вызывал меня, — сказала она, закрывая за собой дверь.

— Садись, — Алексей кивнул на стул напротив.

Софья подошла к столу и остановилась. Она смотрела на шкатулку. Её глаза расширились, и Алексей увидел, как она побледнела ещё сильнее.

— Где ты это взял? — спросила она, не отрывая взгляда от шкатулки.

— Нашёл. В подвале дома на Мойке, 18. В стене. Замурованное.

Софья медленно опустилась на стул. Она смотрела на шкатулку так, будто видела призрака.

— Я знаю её, — сказала она. — Я видела её в описях 1937 года. Она числилась в фонде Эрмитажа, особый раздел, редкие предметы. В 1941 году, когда началась эвакуация, её считали утерянной. Мы думали, что она сгорела или была вывезена в тыл. Но она была здесь, в городе, всё это время.

— Что в ней? — спросил Алексей. — Что ты знаешь о ней?

Софья протянула руку и коснулась шкатулки. Пальцы её дрожали.

— Я не знаю точно. Но я знаю, что она связана с Пушкиным. В описях было написано: «Шкатулка чёрного дерева с перламутровой инкрустацией. Принадлежала Константину Карловичу Данзасу». Ты знаешь, кто это?

— Секундант Пушкина на дуэли, — сказал Алексей. — Я видел его имя в документах.

— Да, — кивнула Софья. — Данзас был другом Пушкина. Именно он держал его руку, когда Пушкин умирал. Именно он был тем, кому Пушкин доверил свои последние слова. И именно он, по слухам, хранил некие бумаги, которые могли пролить свет на то, что на самом деле произошло в тот день.

— Какие бумаги? — спросил Алексей.

— Я не знаю. Но я знаю, что Данзас вёл дневник. И что в этом дневнике была правда о дуэли.

Алексей открыл шкатулку и достал дневник. Кожаная обложка, потёртая по краям, с золотым тиснением: «Записки секунданта. Константин Данзас. 1837 год». Он протянул дневник Софье.

— Открой, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты прочитала его вместе со мной.

Софья взяла дневник. Пальцы её дрожали, когда она развязала ремешок и открыла первую страницу. Она прочитала вслух: «Тому, кто найдёт это. Правда о дуэли Пушкина. Константин Данзас».

Она подняла глаза на Алексея.

— Это то, что мы искали, — сказала она. — То, что пытались найти все эти годы.

Они начали читать вместе. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком — Данзас писал аккуратно, но с нажимом, будто боялся, что слова могут исчезнуть. Он описывал дуэль, свои чувства, свои страхи. Он писал о том, как Пушкин выглядел в последний день — уставшим, но спокойным. Он писал о том, как держал его руку, когда снег становился красным.

Алексей переворачивал страницы, чувствуя, как время сжимается вокруг него. Он сидел в кабинете Смольного в 1943 году, но читал слова человека, который жил в 1837-м. Сто шесть лет разделяло их. И всё же он чувствовал связь — тонкую, почти невидимую, но реальную. Данзас писал для него. Для того, кто придёт после. Для того, кто найдёт шкатулку.

На странице 47 Софья остановилась.

— Здесь что-то другое, — сказала она. — Это не русский. И не французский.

Алексей наклонился ближе. Текст был написан другим почерком — более мелким, более нервным. Буквы были незнакомыми, но он узнал их. Древнегреческий. Он изучал его в гимназии, но забыл почти всё.

— Что это? — спросил он.

Софья всмотрелась в текст.

— Это древнегреческий, — сказала она. — Я не знаю, что здесь написано. Но я знаю, что Данзас знал этот язык. Он изучал его в Лицее.

— Можешь прочитать?

— Нет, — покачала она головой. — Мне нужен словарь. Или кто-то, кто знает язык.

Она перевернула страницу, и они продолжили читать. Дневник обрывался на середине фразы — последняя страница была вырвана.

— Здесь чего-то не хватает, — сказала Софья. — Страница вырвана. Кто-то был здесь до нас.

Алексей взял дневник в руки и провёл пальцем по обложке. Он чувствовал, что история не закончена. Что-то важное было скрыто, спрятано, утеряно.

— Кто вырвал страницу? — спросил он.

Софья молчала. Она смотрела на дневник, и в её глазах читалась тревога.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я знаю, что это опасно. Шкатулка была спрятана не просто так. Кто-то хотел, чтобы её не нашли.

Она перевернула дневник на последнюю страницу. Там, на внутренней стороне обложки, была надпись — выведенная тем же почерком, что и на стене в подвале: «К.Д. 1837 — я сохранил это. Пусть тот, кто найдёт, поймёт. Пушкин был отравлен за день до дуэли».

Софья подняла глаза на Алексея. Её лицо было белым, как бумага.

— Он был отравлен? — спросила она. — Пушкин был отравлен?

Алексей сжал кулаки. Он чувствовал, как в груди разрастается холод.

— Похоже на то, — сказал он. — Похоже, что Данзас знал это. И он записал это в дневнике. Но кто-то вырвал последнюю страницу.

— Зачем? — спросила Софья. — Зачем вырывать страницу, если ты хочешь сохранить правду?

Алексей посмотрел на шкатулку. Она лежала на столе, чёрная и тяжёлая, как гроб.

— Может быть, — сказал он, — правда была слишком опасной. Может быть, Данзас понял, что если она выйдет наружу, это убьёт не только его. Может быть, он вырвал страницу сам. Чтобы защитить тех, кто остался.

— Или кто-то другой вырвал её, — сказала Софья. — Кто-то, кто не хотел, чтобы правда была найдена.

Они сидели в тишине. За окном слышался далёкий гул зениток — где-то над городом летели немецкие самолёты. Алексей знал, что у них мало времени. Блокада не ждала. Каждый день мог быть последним.

— Мы должны найти эту страницу, — сказал он. — Мы должны узнать, что на ней было написано.

— И как мы это сделаем? — спросила Софья. — У нас нет никаких зацепок.

Алексей смотрел на шкатулку. Он думал о Ковалёве, о его мёртвых глазах, о книге «Евгений Онегин» на коленях. Он думал о записке, которую тот оставил. Он думал о том, что Ковалёв знал о шкатулке. И он отдал за это жизнь.

— Ковалёв знал, — сказал Алексей. — Он нашёл шкатулку. Он спрятал её. И он знал, что его убьют. Он оставил нам подсказку.

— Какую?

Алексей достал из кармана гимнастёрки книгу «Евгений Онегин». Он положил её на стол перед Софьей.

— Он оставил её в этой книге, — сказал Алексей. — Записку. «Я спрятал её в стене. Там, где лампа». Но это не всё. Он оставил ещё одну записку. Я нашёл её между страницами. Он развернул сложенный лист бумаги и протянул Софье.

«Тот, кто найдёт это — поймёт. Правда не должна умереть. К.Д. 1837».

Софья прочитала и подняла глаза.

— Это ключ, — сказала она. — Это то, что мы ищем.

— Но к чему? — спросил Алексей. — К чему этот ключ?

Софья молчала. Она смотрела на лист бумаги, и в её глазах читалась тревога.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я знаю, что Ковалёв отдал свою жизнь за то, чтобы мы нашли это. Мы не можем подвести его.

Алексей кивнул. Он сжал шкатулку в руках и почувствовал её тяжесть. Правда была здесь, в этом кабинете, лежала на столе перед ним. Но он не знал, как её достать. И он не знал, сколько ещё людей умрут, прежде чем он её найдёт.

— Мы найдём её, — сказал он. — Клянусь.

Софья смотрела на него. В её глазах была та же решимость, что и в его.

— Тогда начнём, — сказала она. — Сейчас.

Она взяла дневник и открыла его на первой странице. Алексей смотрел на неё и чувствовал, как внутри него загорается свет — маленький, слабый, но живой. Это была надежда. Надежда на то, что правда выживет. Надежда на то, что они смогут её найти.

За окном снова загудели зенитки. Где-то над Невой летели немецкие самолёты, и город содрогался от взрывов. Но Алексей не слышал их. Он слышал только голос Софьи, которая

читала вслух слова Данзаса, и чувствовал, как время сжимается вокруг них, сплетая прошлое и настоящее в одну тугую нить.

— Он был отравлен, — повторила Софья. — Пушкин был отравлен. За день до дуэли.

Алексей смотрел на неё и думал о том, что правда никогда не бывает простой.

И что иногда она убивает.

ГЛАВА 2. «Дело № 53-Ф»

Время: 17 июня 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, архив

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский, Софья Горская

Архив Эрмитажа располагался в подвале восточного крыла. В мирное время сюда редко спускались — здесь хранили документы, которые не нуждались в ежедневном доступе: старые описи, акты приёма-передачи, пожелтевшие бумаги с подписями давно умерших людей. Теперь подвал стал одним из немногих мест в городе, где ещё можно было найти тишину. Настоящую, глубокую, довоенную тишину, в которой не слышно ни сирен, ни разрывов, ни шагов голодных людей.

Алексей Ухтомский шёл по узкому коридору, освещённому единственной керосиновой лампой, повешенной на крюк в стене. Софья Горская держалась рядом, её шаги почти не звучали — она ступала легко, как все женщины, привыкшие к тишине блокадных квартир. Они спустились по крутой лестнице, миновали тяжёлую железную дверь, и оказались в помещении, которое раньше служило кладовой.

Здесь пахло пылью, сыростью и старыми бумагами — тем особым запахом, который не спутаешь ни с чем. Алексей остановился и огляделся. Вдоль стен тянулись высокие стеллажи, забитые коробками и папками. На некоторых были надписи — «1935–1936», «Архив III Отделения», «Экспонаты, переданные в фонд». Но большинство не имели никаких пометок — просто картонные коробки, стоящие в темноте десятилетиями.

— Здесь, — сказала Софья, показывая на дальний стеллаж. — Дела о шкатулке должны быть в секции «Особые предметы».

Она подошла к стеллажу и начала перебирать папки. Алексей остался стоять у входа, прислушиваясь к звукам. Где-то над головой гудели зенитки — это был привычный, почти успокаивающий шум, как биение сердца города. Но здесь, в подвале, он звучал глухо, будто из другого мира.

— Нашла, — сказала Софья.

Она вытащила с полки тонкую картонную папку, перевязанную бечёвкой. На обложке было написано: «Дело № 53-Ф. Шкатулка чёрного дерева. 1937–1941». Алексей подошёл ближе и взял папку в руки. Она была лёгкой — внутри лежало не больше десятка страниц.

Он развязал бечёвку и открыл папку. Внутри лежали несколько листов бумаги, исписанных официальным канцелярским почерком. Алексей начал читать. Первый лист — акт о передаче предмета из фонда Эрмитажа в распоряжение Смольного. Дата: 5 февраля 1937 года. Подпись: «Передано комиссару Кольцову С.И. на основании постановления № 47/А от 3 февраля 1937 года».

Алексей нахмурился.

— Кто такой Кольцов? — спросил он. — Я не знаю этого имени.

Софья подошла ближе и заглянула в папку.

— Сергей Иванович Кольцов, — сказала она. — Большевик, комиссар по охране архивов. В 1937 году он курировал изъятие «исторически ценных предметов» из музеев Ленинграда. Формально — для сохранения культурного наследия. Неформально — многие вещи просто исчезали.

— Он был тем, кто забрал шкатулку?

— Да, — кивнула Софья. — Но в 1938 году его арестовали. Репрессировали. Расстреляли, если верить документам. И шкатулка... Шкатулка была возвращена в Эрмитаж. Но

потом, в 1941 году, в начале блокады, она снова исчезла из описей. Её объявили утерянной. И больше никто не искал.

— До сегодняшнего дня, — сказал Алексей.

— До сегодняшнего дня.

Он перевернул страницу. Второй лист — опись содержимого шкатулки. Алексей пробежал глазами по строкам: «Дневник Константина Данзаса. Печатка с вензелем "А.С.". Прядь волос. Пять писем, без подписи». Всё, что он нашёл в подвале, совпадало.

Но внизу страницы была приписка, сделанная другим почерком — более размашистым, более нервным: «В шкатулке также обнаружен конверт, не подлежащий описи. Передан лично комиссару Кольцову».

Алексей перечитал фразу дважды. «Конверт, не подлежащий описи». Что это значило? И почему он не был в шкатулке, когда Алексей открыл её?

Он показал приписку Софье. Она прочитала, и её лицо стало ещё бледнее.

— Это необычно, — сказала она. — В описях всегда указываются все предметы. Конверт... либо был уничтожен, либо его спрятали отдельно.

— Или он был вынут перед тем, как шкатулка попала в подвал на Мойке, — добавил Алексей.

Он перевернул следующую страницу и замер. Это был лист из другого дела — более старого, с пожелтевшими краями. Дата: 15 октября 1917 года. Заголовок: «Акт о передаче предметов из частной коллекции Бобринского». Алексей начал читать. Речь шла о шкатулке — той же самой, чёрного дерева с перламутровой инкрустацией. Она была изъята из особняка на Английской набережной после Октябрьской революции. Подпись: «Передано комиссару Горской С.А. для хранения в фонде Эрмитажа».

Алексей поднял глаза на Софью.

— Горская С.А., — сказал он. — Это...

— Это моя бабушка, — перебила Софья. — Софья Андреевна Горская-старшая. Она работала в Эрмитаже с 1910 года. После революции она осталась в городе и продолжала работать. Она была хранительницей многих редких предметов. Шкатулка была одной из них.

— Значит, она знала о шкатулке.

— Знала, — кивнула Софья. — Она рассказывала мне о ней. Она говорила, что это один из самых ценных предметов в коллекции. Но она никогда не говорила, что в ней лежит. Она говорила: «Когда-нибудь ты поймёшь. Когда наступит время».

Алексей смотрел на неё. Он чувствовал, что они приближаются к чему-то важному, но всё ещё не могли ухватить суть.

— Она умерла, когда я была подростком, — продолжила Софья. — Она не успела сказать мне, что скрыто в шкатулке. Но она оставила мне письмо. Я храню его до сих пор.

— Что в письме?

— Она написала: «Правда о дуэли Пушкина спрятана там, где никто не ищет. Найди шкатулку, и ты найдёшь правду». Я долго не могла понять, что она имела в виду. Я думала, что это просто старая семейная легенда. Но теперь, когда мы нашли шкатулку... Я начинаю верить, что она говорила правду.

Алексей взял папку и перевернул последний лист. На нём была записка — вырванная из блокнота, с неровными краями. Почерк был торопливым, неразборчивым: «Ковалёв — последний, кто видел шкатулку. Спросить у С.А.».

Он прочитал вслух.

Софья побледнела ещё сильнее.

— Это снова мои инициалы, — сказала она. — Но это не моя записка.

— Ты знаешь, кто мог её написать?

— Нет, — покачала она головой. — Но я знаю, что Ковалёв был почтальоном. Он часто приносил письма в Эрмитаж. Возможно, он видел шкатулку. Возможно, он знал, где она находится. Но почему он был последним, кто её видел?

Алексей задумался. Он вспомнил тело Ковалёва, его открытые глаза, книгу на коленях. Он вспомнил записку: «Они убьют меня. Я спрятал её в стене. Там, где лампа».

— Он знал, что его убьют, — сказал Алексей. — Он знал, что кто-то охотится за шкатулкой. Он спрятал её, но не успел никому сказать. Кроме нас.

— И он написал записку. Там, где лампа. И мы её нашли.

— Да, — кивнул Алексей. — Но теперь у нас есть ещё одна зацепка. Эта записка — «Спросить у С.А.». Если ты не знаешь, кто её написал, значит, кто-то другой хотел, чтобы мы спросили тебя. Возможно, тот, кто тоже искал шкатулку. Или тот, кто хотел, чтобы мы нашли её.

Он закрыл папку и посмотрел на Софью.

— У тебя есть идеи, кто мог это написать?

Софья задумалась. Она смотрела в пустоту, и Алексей видел, как она перебирает в памяти лица, имена, события.

— Возможно, это был кто-то из сотрудников архива, — сказала она. — В 1937 году, когда шкатулка была изъята, в Эрмитаже работало много людей. Кто-то из них мог знать о ней. Кто-то из них мог записать эту записку в надежде, что её найдут.

— Но зачем? — спросил Алексей. — Зачем оставлять такую записку?

— Чтобы мы нашли правду, — сказала Софья. — Чтобы мы не остановились на полпути. Кто-то хотел, чтобы мы узнали, что на самом деле произошло с шкатулкой. И кто-то хотел, чтобы мы связались со мной. С бабушкой. С её историей.

Алексей смотрел на неё, и в его груди разрасталось чувство, которое он не мог описать. Это было похоже на страх, но не совсем. Скорее на ожидание. На предчувствие.

— Значит, мы на правильном пути, — сказал он.

Софья кивнула.

— Да, — сказала она. — Мы на правильном пути. Но я боюсь, что этот путь приведёт нас не туда, куда мы хотим.

— Куда?

— К правде, — сказала она. — К правде, которая может быть слишком тяжёлой для нас. Они стояли в тишине подвала. Зенитки гудели где-то над головой, но звук казался далёким, будто из другой жизни.

Алексей взял папку с делом № 53-Ф и сунул её под шинель.

— Мы должны идти дальше, — сказал он. — Мы должны узнать, что случилось с шкатулкой. Мы должны узнать, кто убил Ковалёва. И мы должны узнать, что скрыто в дневнике Данзаса.

Софья смотрела на него. В её глазах была та же решимость, что и в его.

— Тогда идём, — сказала она. — Но я должна тебя предупредить.

— О чём?

— О том, что правда не всегда спасает, — сказала она. — Иногда она убивает.

Алексей кивнул. Он знал это лучше, чем кто-либо.

Они вышли из подвала и поднялись вверх. В коридоре Эрмитажа было темно — окна были заколочены фанерой, и только редкие лучи света проникали сквозь щели. Алексей остановился и оглянулся. Подвал остался позади, но он чувствовал, что тайна не ушла. Она следовала за ними, как тень.

— Кто такой Кольцов? — спросил он снова. — Что ты о нём знаешь?

Софья задумалась.

— Он был большевиком, — сказала она. — Но он не был фанатиком. Он был историком. Он понимал ценность документов. Он хотел сохранить их для новой власти. Но это не спасло его. В 1938 году его арестовали.

— За что?

— Никто не знает. Возможно, за то, что он сохранил слишком много. Возможно, за то, что он нашёл что-то, что не должен был находить.

Алексей смотрел на неё. Он чувствовал, что они приближаются к разгадке.

— Тогда мы должны узнать, что он нашёл, — сказал он. — Мы должны найти его след.

— Ты думаешь, это возможно?

— Я знаю, что это возможно, — сказал Алексей. — Потому что мы уже нашли шкатулку. Мы нашли дневник. Мы нашли дело № 53-Ф. Осталось найти последнюю страницу.

Софья посмотрела на него.

— Ты веришь, что мы найдём её?

Алексей сжал кулаки.

— Я верю, — сказал он. — Потому что мы должны.

Они вышли из Эрмитажа на улицу. Ленинград встретил их серым небом и холодным ветром. Где-то вдалеке слышались разрывы — город снова бомбили. Но Алексей не обращал на них внимания. Он смотрел вперёд, на Смольный, где их ждал новый день расследования.

Он не знал, что это только начало. Что правда о шкатулке была связана с заговором, который начался сто лет назад. И что этот заговор всё ещё был жив.

ГЛАВА 3. «Чёрная перчатка»

Время: 18 июня 1943 года, 14:00

Место: Ленинград, Мойка, 12, подвал, затем квартира № 3

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей Ухтомский стоял у входа в подвал дома на Мойке и смотрел на дверь, которую он открыл два дня назад. Тогда он не заметил многого — он был слишком сосредоточен на теле Ковалёва, на шкатулке, на шагах на лестнице. Теперь он вернулся, чтобы увидеть то, что пропустил.

Он толкнул дверь и шагнул внутрь. Подвал встретил его сыростью и холодом. Печь остыла, угли превратились в серый пепел, который осыпался на пол при малейшем движении воздуха. Алексей зажёл керосиновую лампу и поставил её на стол — туда же, где лежала книга «Евгений Онегин» два дня назад.

Он начал осмотр с места, где сидел Ковалёв. Стул стоял на том же месте, слегка сдвинутый — возможно, от движения воздуха. Алексей опустил на корточки и провёл рукой по полу. Бетон был холодным, шершавым, покрытым слоем пыли и грязи. Он осмотрел каждую трещину, каждую выбоину.

Под стулом он нашёл её.

Небольшая круглая выпуклость под половицей. Алексей постучал по ней костяшками — звук был глухим, но не таким, как от бетона. Он подцепил край половицы ножом и приподнял её. Под ней была небольшая ниша — углубление, выдолбленное в бетонном основании. Внутри лежал стеклянный глаз.

Алексей взял его в руки. Протез был старым — стекло мутное, с желтоватым отливом, радужка искусственного глаза была выкрашена в серо-голубой цвет. Он перевернул его и увидел гравировку на металлическом ободке: «О.К. 1902».

О.К. — Осип Ковалёв? Отец Ивана? Или другой родственник? Алексей не знал. Но он знал, что глаз принадлежал кому-то по фамилии Ковалёв. И что этот кто-то потерял глаз в 1902 году.

Он положил протез в карман и продолжил осмотр. Вокруг стула не было ничего — никаких следов борьбы, никакой крови, ничего, что указывало бы на насильственную смерть. Только пепел, пыль и тишина.

Алексей поднялся на второй этаж. Лестница скрипела под его ногами, и звук разносился по пустому дому, как эхо. Он остановился перед квартирой № 3 и постучал. За дверью послышался шорох — кто-то двигался медленно, с трудом. Алексей подождал. Дверь открылась на цепочку, и в щели показалось лицо старухи.

Она была очень старой — морщинистой, с седыми волосами, собранными в пучок. Глаза её были мутными, но в них читался страх. Она смотрела на Алексея и не произносила ни слова.

— Я из Смольного, — сказал Алексей, показывая удостоверение. — Мне нужно поговорить с вами о том, что случилось в подвале. В ночь, когда умер Ковалёв.

Старуха смотрела на него. Она не отвечала. Алексей заметил, что она не открывает рот — она просто смотрит на него, и в её взгляде есть что-то, чего он не мог понять. Она не говорила.

— Вы не можете говорить? — спросил он.

Старуха медленно покачала головой. Она открыла дверь шире и показала на своё горло — она провела пальцем по шее, показывая, что не может издавать звуков. Алексей понял: она онемела от страха. Не физически, а психологически. Она была свидетелем убийства, и страх лишил её голоса.

— Я хочу вам помочь, — сказал Алексей. — Но мне нужно знать, что вы видели.

Старуха смотрела на него несколько секунд. Затем она жестом пригласила его войти в квартиру.

Она была маленькой и бедной — одна комната, заставленная старой мебелью. На столе стояла керосиновая лампа, на стене висел портрет Сталина, вырезанный из газеты. Алексей сел на стул, предложенный старухой, и стал ждать. Она принесла ему лист бумаги и огрызок карандаша.

Она начала рисовать.

Первое, что она нарисовала, был круг. Она провела линию медленно, дрожащей рукой, и замкнула её. Затем внутри круга она нарисовала треугольник — остриём вниз. И внутри треугольника — крест.

Алексей смотрел на рисунок и не понимал. Круг, треугольник, крест. Что это значило? Он поднял глаза на старуху, но она уже отвернулась, показывая, что больше ничего не скажет. Она была слишком напугана, чтобы продолжать.

— Кто был в подвале в ту ночь? — спросил Алексей. — Вы видели его?

Старуха кивнула. Она показала на левую руку и провела пальцем по воображаемой перчатке.

— Чёрная перчатка? — спросил Алексей.

Она кивнула снова. Затем она показала на свой левый глаз — и провела пальцем по нему, показывая, что видела человека, у которого не было глаза. Алексей вспомнил стеклянный глаз в своём кармане.

— Человек без глаза? — переспросил он.

Старуха кивнула. Она смотрела на него с ужасом, который не могла выразить словами. Она видела убийцу. И она боялась его.

Алексей взял рисунок и сложил его в карман. Он поблагодарил старуху и вышел из квартиры. Он стоял на лестнице, сжимая в руках лист бумаги с непонятными символами, и думал о том, что всё это может быть связано. Стеклянный глаз, чёрная перчатка, круг, треугольник, крест. И мёртвый Ковалёв.

Он вернулся в Смольный и сразу пошёл к Софье. Она была в своём кабинете, разбирала какие-то документы, когда он вошёл.

— Я кое-что нашёл, — сказал он, кладя на стол стеклянный глаз.

Софья подняла его и рассмотрела.

— О.К. 1902, — прочитала она. — Это...

— Ковалёв, — сказал Алексей. — Я уверен, что это кто-то из семьи Ковалёвых. Возможно, отец Ивана.

— Но как он оказался в подвале?

— Я не знаю. Но я нашёл ещё кое-что.

Он достал рисунок старухи и положил его рядом с глазом.

Софья посмотрела на рисунок. Её лицо изменилось — она побледнела, и Алексей увидел, как она сжимает пальцы в кулак.

— Ты знаешь, что это? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Я знаю. Это «Голос Ленинграда».

Алексей нахмурился.

— Что это?

— Тайная группа, — сказала Софья. — Они появились в начале блокады, когда мародёрство стало массовым. Люди, которые грабили пустые квартиры, выносили вещи, ценности, еду. «Голос Ленинграда» боролся с ними. Они выслеживали мародёров, ловили их, сдавали властям. Но в 1942 году их расформировали.

— Почему?

— Я не знаю точно. Возможно, они стали слишком радикальными. Или кто-то из них перешёл на сторону мародёров. Но их расформировали, и они исчезли.

— А их символ?

Софья посмотрела на рисунок.

— Круг — это город, — сказала она. — Треугольник — защита. Крест — правда. Они верили, что защищают правду города от преступников.

Алексей смотрел на рисунок, и в его голове складывалась новая картина. Убийца использовал символ «Голоса Ленинграда». Но группа была расформирована в 1942 году. Это означало, что либо убийца был бывшим членом группы, либо кто-то использовал их символ, чтобы запутать следы.

— Это меняет всё, — сказал он. — Если убийца был членом «Голоса Ленинграда», то это не простой преступник. Это кто-то, кто знает город. Кто умеет скрываться. Кто знает, как не оставлять следов.

— Или кто-то, кто хочет, чтобы мы думали, что это был «Голос Ленинграда», — сказала Софья. — Возможно, кто-то подставил их.

Алексей кивнул. Он смотрел на стеклянный глаз и рисунок, и чувствовал, что правда всё ещё скрыта.

— Мы должны найти того, кто носил этот глаз, — сказал он. — И того, кто нарисовал этот символ.

— Как мы это сделаем? — спросила Софья.

Алексей посмотрел в окно. Над Невой стучались тучи — начинался дождь.

— Мы начнём с архива, — сказал он. — Мы найдём список членов «Голоса Ленинграда». И мы проверим, кто из них носил чёрную перчатку.

Он сжал кулаки и почувствовал, как холод разрастается в его груди. Правда была близко. Но он знал, что она будет стоить ему дорого.

ГЛАВА 4. «Хирург»

Время: 19 июня 1943 года, 16:00

Место: Ленинград, Василеостровский район, подвал бывшего склада музея

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Адрес, который Алексей нашёл в архиве, был записан на клочке бумаги, приклеенном к делу Степанова. «Василий Кузьмич Степанов, бывший сотрудник Музея этнографии. Место-нахождение: Васильевский остров, 7-я линия, подвал бывшего склада № 14». Алексей не знал, кто и когда внёс эту запись в дело, но он знал, что это единственная зацепка, которая у него осталась.

Он шёл по пустынным улицам Васильевского острова, и ветер с Невы пробирал до костей. Блокада сделала город неузнаваемым — дома стояли с заколоченными окнами, фасады облупились, кое-где зияли чёрные провалы от бомбёжек. Людей на улицах почти не было — только редкие фигуры, закутанные в ватники и платки, которые двигались медленно, экономя каждую калорию.

Алексей нашёл нужный дом. Это было старое здание, когда-то принадлежавшее купцу, потом переделанное под склад, а теперь заброшенное. Вход в подвал был с тыльной стороны — железная дверь, обитая ржавым листом. Алексей постучал. Никто не ответил. Он толкнул дверь — она была не заперта.

Внутри было темно. Алексей зажёл керосиновую лампу и шагнул вперёд. Запах был странным — смесь плесени, старого дерева и чего-то сладковатого, что он не мог определить. Он поднял лампу выше и увидел ящики. Десятки ящиков — деревянных, оббитых металлическими уголками, с надписями на русском и немецком. Он подошёл к ближайшему и открыл крышку. Внутри лежали иконы — старые, с потускневшим золотом, с ликами святых, которые смотрели на него с немым укором.

Он перешёл к следующему ящику. Там были картины — в рамки, без рамок, свёрнутые в рулоны. Алексей узнал несколько — он видел их в каталогах Эрмитажа. Они считались утраченными. Теперь они лежали здесь, в этом подвале, ожидая отправки на чёрный рынок.

В углу подвала стоял стол. За ним сидел человек.

Он был худым, с впалыми щеками и глубоко посаженными глазами. На нём был старый пиджак с оторванными пуговицами, и он держал в руках жестяную кружку. Он пил чай — медленно, с наслаждением, как будто это был последний глоток в его жизни. Когда Алексей вошёл, он не удивился. Он даже не поднял головы.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он. — Рано или поздно. Ты нашёл шкатулку?

Алексей остановился в двух шагах от стола. Он держал лампу в одной руке, а другой сжимал кобуру с наганом.

— Ты Степанов? — спросил он.

— Я, — ответил человек, всё ещё не поднимая глаз. — Василий Кузьмич Степанов. Но друзья зовут меня «Хирург». Ты, наверное, знаешь, почему.

Алексей не ответил. Он осмотрел комнату. В углу стояла кровать — узкая, с грязным матрасом. На стене висела карта Ленинграда с пометками. На столе лежали бумаги, книги, несколько монет и маленькая статуэтка Будды.

— Ты работаешь на немцев, — сказал Алексей. — Ты продаёшь им культурные ценности. Степанов поднял голову. Его глаза были усталыми, но в них читалась насмешка.

— А ты думал, что я делаю? Сажу здесь и жду, когда меня придут арестовывать? Нет, товарищ капитан. Я выживаю. Как и все в этом городе. Только я нашёл способ делать это с умом.

— Ты торгуешь историей.

— Я торгую жизнью, — сказал Степанов. — Своей. И тех, кто помогает мне. И если ты думаешь, что я убил Ковалёва, то ты ошибаешься.

Алексей подошёл ближе. Он сел на ящик напротив Степанова и положил лампу на стол. Свет упал на лицо «Хирурга», и Алексей увидел, что он старше, чем казался — глубокие морщины, седина в волосах, следы долгой и тяжёлой жизни.

— Расскажи мне о Ковалёве, — сказал Алексей.

— Что ты хочешь знать?

— Всё. Как ты узнал о нём. Как ты вышел на шкатулку.

Степанов сделал глоток чая. Он смотрел на Алексея, и его взгляд стал серьёзным.

— Я узнал о шкатулке от одного человека, — сказал он. — Немца. Он искал её. Он говорил, что она содержит нечто важное. Что она может изменить историю. Я не знал, что это такое, но я понял, что она стоит дорого.

— Как его зовут?

— Он не назвал имени. Он сказал только, что работает на «В. фон К.». Я не знаю, кто это. Но я знаю, что он платил хорошо. Золотом. Едой. Он обещал мне эвакуацию, если я достану шкатулку.

— И ты нашёл её?

— Я нашёл след, — сказал Степанов. — Ковалёв работал в Эрмитаже. Он знал о шкатулке. Он знал, где она спрятана. Я предложил ему сделку. Я сказал: «Отдай мне шкатулку, и я помогу тебе выжить». Он отказался. Он сказал, что эта шкатулка дороже его жизни.

— Он был прав, — сказал Алексей. — Он умер.

Степанов покачал головой.

— Он умер не из-за меня. Я не убивал его. Я хотел купить шкатулку, но он отказался. Я ушёл. Через два дня я услышал, что его нашли мёртвым.

— Кто убил его?

— Я не знаю. Но я знаю, что это был не я.

Алексей смотрел на него. Он чувствовал, что Степанов говорит правду. Но он также чувствовал, что тот скрывает что-то важное.

— Ты знаешь, кто мог его убить? — спросил Алексей.

Степанов задумался. Он смотрел на лампу, на её дрожащее пламя, и его лицо стало задумчивым.

— Тот, кто искал шкатулку, — сказал он. — Тот, кто хотел её получить любой ценой. Он был в городе. Он знал о Ковалёве. Он знал о шкатулке. И он был готов убить, чтобы получить её.

— Кто он?

— Я не знаю его имени, — сказал Степанов. — Но я знаю, что он носит чёрную перчатку. Алексей сжал кулаки.

— На какой руке?

Степанов посмотрел на него с удивлением.

— На левой. Он левша. Я видел его один раз, когда он приходил ко мне. Он хотел купить информацию о шкатулке. Я сказал ему, что не знаю, где она. Он не поверил. Он ушёл, сказав, что вернётся.

— Ты узнаешь его, если увидишь?

— Да, — кивнул Степанов. — У него была особенность. Он держал руки в карманах, но я заметил, что на левой руке у него чёрная перчатка. На правой — нет. И он был в форме.

— В форме НКВД?

— Да, — сказал Степанов. — Он был офицером. Я не знаю, как его зовут. Но я знаю, что он не из наших. Он работал на немцев. Как и я. Но он пошёл дальше. Он не просто торговал — он убивал.

Алексей встал. Он смотрел на Степанова и чувствовал, как в его груди разрастается холод.

— Ты должен идти со мной, — сказал он. — Ты будешь давать показания.

— Я знал, что ты это скажешь, — улыбнулся Степанов. — Поэтому я приготовил это для тебя.

Он протянул Алексею лист бумаги. На нём был адрес.

— Это он, — сказал Степанов. — Ты найдёшь его там. Но будь осторожен. Он знает, что ты ищешь шкатулку. И он знает, что ты нашёл её.

Алексей взял лист и сложил его в карман. Он подошёл к Степанову и взял его за руку, чтобы надеть наручники.

— Что ты делаешь? — спросил Степанов.

— Ты арестован, — сказал Алексей. — За измену Родине.

— Но я же помог тебе, — сказал Степанов. — Я дал тебе адрес.

— Это не снимает с тебя вины, — сказал Алексей. — Ты продавал нашу историю врагу. Ты предал свой народ.

Степанов молчал. Он не сопротивлялся, когда Алексей защёлкнул наручники на его запястьях. Но когда они вышли из подвала и оказались на улице, он повернулся к Алексею.

— Ты не сможешь его остановить, — сказал он. — Он сильнее, чем ты думаешь. Он убил Ковалёва. И он убьёт тебя, если ты встанешь у него на пути.

Алексей смотрел на него.

— Посмотрим, — сказал он.

Он повёл Степанова в Смольный. Когда они вошли в кабинет, Алексей посадил его на стул и сел напротив. Он смотрел на «Хирурга» и думал о том, что тот сказал.

«Он носит чёрную перчатку на левой руке. Он офицер НКВД. Он работает на немцев».

Алексей знал, что это значит. Враг был среди своих. И он был ближе, чем Алексей думал.

— Почему ты не хочешь, чтобы я его остановил? — спросил он.

Степанов смотрел на него. В его глазах была усталость и что-то ещё — может быть, страх.

— Потому что он уже остановил тебя, — сказал он. — Он просто не знает этого.

Алексей сжал кулаки. Он не знал, что это значит. Но он знал, что должен найти того, кто убил Ковалёва. И что он должен сделать это до того, как убийца найдёт его.

ГЛАВА 5. «След

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.